

НИКОЛАЙ БАЙТОВ ДВА КОММЕНТАРИЯ

1. "Парус", стихотворение Бонифация
Стихотворение не опубликовано.

Работа над этим стихотворением была начата Бонифацием в 1987 году и окончена весной 1991 года. Толчком к этой работе для Бонифация послужил рассказ Борхеса "Пьер Менар, автор "Дон Кихота". Бонифаций, который к тому времени еще не читал Лермонтова, решил повторить подвиг Пьера Менара. Лишь первая строка стихотворения была ему известна по одноименному роману Катаева. Однако первую строку своего "Паруса" Лермонтов взял из поэмы Бестужева-Марлинского "Андрей, князь Переяславский". Это обстоятельство первоначально повело Бонифацию по ложному следу. Целых два года потребовалось ему, чтобы преодолеть влияние Бестужева-Марлинского в своей работе (при этом он, разумеется, не знал, с кем он борется). Лишь в 89-м году появляются первые наброски, более-менее приближающиеся к лермонтовскому "Парусу".

Окончательный вариант текста сильно отличается от того, который дан в академических изданиях Лермонтова, зато почти полностью совпадает с автографом в письме Лермонтова к Лопухиной от 2 сентября 1832 года. Это касается синтаксиса: все знаки пунктуации совпадают. А также строчка "Струя под ним светлей лазури", а не "Под ним...". Единственное отличие состоит в том, что Бонифаций пишет "щастия не ищет // И не от щастия бежит". Лермонтов, даже в письме пишет "счастия". Однако не исключено, что Бонифаций незадолго до своего исчезновения попробовал сделать еще один шаг, приближающий его к автографу Лермонтова. Во всяком случае, в компьютерном архиве Ивана Ахметьевича имеется вариант, где "щастие" уже один раз заменено на "счастье", а именно: "Увы! - он щастия не ищет // И не от счастья бежит". Ахметьев датирует этот вариант 90-м годом и помещает его прежде окончательного. А что если датировка Ахметьевича ошибочна и перед ним свидетельство предпоследней попытки Бонифация выполнить героическую задачу? В таком случае, надо констатировать, что завершающего шага судьба людей и текстов не дозволила ему сделать.

2. "Парус", стихотворение Игоря Иртеньева

Опубликовано в журнале "Магазин", вып. 20, 1996.

История написания этого стихотворения Игорем Иртеньевым неизвестна. Можно предположить, что это акт чистого присвоения. Но чего? Если стихотворения Лермонтова, то почему так сильно различаются тексты? Похоже, что для Иртеньева текст здесь не играет главной роли. Если это так, то, вероятней всего, случилось следующее: Иртеньев, не видавший бонифациеву "Парусу", а лишь слышавший о нем, истолковал его как жест присвоения и решил произвести вторичный жест присвоения, т.е. жест присвоения жеста. Иртеньев здесь, очевидно, перепутал два лица: Бонифация и Германа Лукомникова. Дело в том, что Лукомников в 1994 году тоже написал стихотворение "Парус". Этот малоинтересный опус имеет подзаголовок "подражание Бонифацио" и основывается, по всей видимости, на какой-то промежуточной, недоработанной редакции бонифациеву "Парусу". Лукомников присваивает себе эту редакцию, а Иртеньев, не разобравшись, присваивает его жест присвоения. Такова наша гипотеза.

САДКО

Они хотят, чтобы мы играли и пели. Наверное, это единственное, что мы умеем, а они не умеют. Что общего в наших различных представлениях об иных цивилизациях? - Да то, во-первых, что все иные цивилизации представляются нам более развитыми, чем мы сами. И то, во-вторых, что они имеют не только средства, но и желание наблюдать за нами, в то время как мы, имея, может быть, тоже средства, не имеем ни систематического (социализированного) желания наблюдать за ними, ни даже четкого представления, как с какой целью следует это делать. У нас есть любопытство, но оно весьма скромно и маргинально, - у них же, по нашим представлениям, оно возведено чуть ли не в систему жизни или в "государственную", если угодно так выразиться, программу. (И это весьма странно: ведь это мы прошли от обезьян, а не они, и ведь это любопытство превратило обезьян в нас, а не труд и не пение, или игра на гуслях, кифарах, свирелях). В результате, после долгих прошедших столетий они знают хотя бы за кем наблюдать, мы же питаем свой интерес лишь разрозненными легендами и даже как бы успокаиваемся легендарностью этих сведений: складываем руки и улыбаемся. Нам ведь не наблюдать, а сочинять саги. Может быть, у иных цивилизаций и нет таких общественных конструкций как мифология...

Итак, допустим, что мы имеем не то свидетельства, не то мнения о существовании некой цивилизации на дне мирового океана. Я спрашивал одного известного океанолога, с которым свел меня случай, - спрашивал, что он думает по поводу всего этого и случалось ли ему - а он много лет провел в экспедициях в океане, - случалось ли ему наблюдать, ну, что-нибудь такое. Он высмеял

мой вопрос категорически:

- Глупости! Журналистика! Ни разу никогда ничего!
- А огни, которые ходят по кругу?
- Не доводилось, как говорил кто-то, кажется, из героев Набокова.
- А вот воронки, то есть омыты, водовороты, радиусом, скажем в сто и более километров?
- Ну так что? Есть такие воронки, да, но они все объясняются из тектонических и вулканических предположений. Есть соответствующие прекрасные теории.

Так я ничего и не добился от него. Только взял на заметку одну мысль: что без таких ученых скептиков и мифологии не была бы мифологией: они делают свое дело и вносят свой вклад, сообщая легендарности ее необходимый статус. А с кем еще говорить? - С фантазерами и фанатами вообще говорить бесполезно, они все сумасшедшие.

Таким образом, у нас есть устойчивая к провокациям фильтрующая система, типа мембранны: одни виды вопросов она пропускает сквозь себя для принятия в аналитическое рассмотрение, - другие виды вопросов отсеиваются. С моей точки зрения, наличие такой мембранны гораздо интереснее и характерней для человеческого рода, чем способность играть на гуслях, кифарах и т.д. - Эта удивительная мембра на делит опыт на опыт и "опыт". Я не ставлю сейчас перед собой задачу объяснить, как, на основании каких критериев она это делает. Я подозреваю, что здесь до сих пор работает великий принцип средневекового схоластика Оккама, называемый "бритвой". Вот я играю и пою, мне безразлично, кто этого хочет и кто меня слушает, пусть это будет некая умная Несси. Я знаю только, что все это остается внутри, за блеском бритвенного лезвия или водной поверхности. А что наверху? - О, там не менее фантастические вещи: там пульсары или нейтронные звезды - стремительно кружасшиеся волчки с такой чудовищной массой и магнитным моментом, каких мы не можем себе представить, мы способны только написать формулу и гордиться своим математическим всемогуществом... Еще там есть квазары, а еще черные дыры, именуемые иногда "крутовыми норами". Это совсем таинственные объекты. Зато они законны и уважаемы разумом. Это первостепенный предмет нашего дисциплинированного и свободного любопытства. Ибо дисциплина поистине освобождает... И я хочу быть там, над поверхностью, в ничем не ограниченном пространстве. А здесь, хотя меня заслушиваются и боготворят и исполняют все мои прихоти, я все равно остаюсь вечным и вечным плениником, плеником, плеником - цивилизаций, снов, баснословий...